

ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

М.А. Сафонова

ОРГАНИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА: СТУДЕНЧЕСКИЕ СЕТИ КАЗАХСТАН–ПЕТЕРБУРГ

Целью статьи является описание и объяснение социальной организации потока студенческой миграции из Казахстана в Россию. Основное внимание в статье уделяется одному из субпотоков, входящих в единый поток из Казахстана в Россию, а именно — студенческому субпотoku, идущему из казахстанских городов в Санкт-Петербург. Исследование было основано на следующих данных: интервью со студентами-мигрантами; интервью с администраторами принимающих вузов; дневники наблюдений, которые велись на мероприятиях казахстанского студенческого сообщества в Санкт-Петербурге; данные вузовской статистики, Министерства образования и Федеральной службы государственной статистики. В статье описывается организация сетевых институтов, которые обеспечивали и обеспечивают потоку стабильность в пространстве и времени.

Ключевые слова: миграция, миграционный поток, образование, иностранные студенты, социальные сети, сетевая миграция.

Key words: migration, migration flow, education, foreign students, social networks, network migration.

В статье будет рассказано о социальной организации самого устойчивого и крупного потока образовательной миграции на постсоветской территории. Начало этому потоку было положено в 1960-е гг., интенсивность его с того времени менялась, вместе с тем он успешно преодолел кризис 1990-х, в него были (и остаются) вовлечены этнические казахи, русские, корейцы, немцы и т.д., вплоть до сегодняшнего момента он соединяет казахстанские города и российские университетские центры.

В представленном ниже тексте подробно будет описана только одна часть большого потока образовательной миграции, а именно та, которая соединяет казахстанские города и Санкт-Петербург. Санкт-Петербург оказывается, во-первых, одной из основных точек, принимающих студентов-миг-

рантов из Казахстана*, и, во-вторых, среди всех остальных реципиентов** он является наиболее отдаленной точкой, и издержки на перемещение в эту точку должны быть самыми большими, соответственно, миграция в эту точку — наиболее дорогостоящее предприятие среди других доступных в России альтернатив. С целью обнаружить социальные механизмы, поддерживающие этот поток, было проведено исследование***, на материалах которого построен данный текст. Основная полевая работа велась в 2005—2008 гг. Были собраны следующие данные****: (1) интервью со студентами-мигрантами (современными и бывшими, в сумме — 80); (2) интервью с администраторами принимающих вузов; (3) дневники наблюдений, которые велись на мероприятиях казахстанского студенческого сообщества в Петербурге; (4) данные вузовской статистики, данные министерства образования и Федеральной службы государственной статистики.

Употребляя термин «миграционный поток», автор делает особое ударение на последнем слове. Это делается с целью обратить внимание читателя на следующий важный момент. «Поток» не состоит из одних только атомарных агентов, носителей определенных социально-демографических характеристик, которых мы называем мигрантами. Он оборудован, во-первых, элементами социальной структуры, которые делают его относительно стабильным в пространстве и времени, во-вторых, материальными объектами, которые служат устойчивости этой совокупности социальных элементов. В статье будет показано, какие элементы социальной структуры делают поток резистентным. Будет также показано, каким образом вместе с собственными мигрантами в миграционный поток попадают транспорт, банки с ва-

* Статистика Министерства образования РФ (Образование в России 2003).

** Потоки студенческой миграции из Казахстана идут также в Москву, университетские центры Поволжья и Западной Сибири.

*** Исследование проводилось в ходе работы над диссертационным проектом на факультете политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я хотела бы поблагодарить моего научного руководителя Д.А. Александрова, профессора факультета политических наук и социологии ЕУ СПб, за консультации и дискуссии, которые помогли сделать работу более интересной и обоснованной. Полевые данные были собраны на средства индивидуального гранта, полученного от Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (Москва). Я выражаю признательность ряду моих ключевых информантов, которые обеспечивали выход в поле и помогали получать статистику (имена по их просьбе не будут названы). Цитаты из интервью далее в тексте даны в кавычках и выделены курсивом.

**** Полевые данные собирались в Петербурге, Томске, Самаре, Саратове. На основании этих данных был сделан вывод, что в организации отдельных частей большого потока студентов из Казахстана, идущих в разные российские города, задействованы различные социальные механизмы. Разница в организации влияет на интенсивность потока и сферу влияния того или иного российского университетского центра, и определяется (а) наличием/отсутствием институционализированных механизмов поддержания миграции и (б) характеристиками социальных позиций, которые занимают студенты-мигранты и их семьи в отправляющем обществе. Однако эти выводы и данные могут послужить материалом для отдельной статьи и в данном тексте обсуждаться не будут.

реньем, фрукты и овощи, колбаса и сыр, старые диваны в общежитиях, локальные компьютерные сети и т.д., и как эти предметы материального мира вносят свою лепту в поддержание миграционного потока.

Теоретическая оптика исследования, на материалах которого создан данный текст, была заимствована из работ по сетевой миграции. Основные положения сетевой теории миграции были сформулированы в начале 1980-х знаменитым социологом Дугласом Мэсси, и разрабатывались в 1990-х — 2000-х рядом американских и европейских исследователей (Massey and Reichert 1980; Massey 1986; Massey et al. 2001; Massey and Kandell 2002; Massey et al. 2005; Faist 2000, см. также Portes 1997). Сетевая теория миграции предлагает не только описание возможных вариантов интеграции мигрантов, поясняет экономическую (минимизация издержек) и социальную (сетевую и структурную) обоснованность решения о миграции, но дает возможность через построение и распространение сетей объяснить размеры миграции, ее направления, взаимосвязь региона-донора и принимающего региона и т.д. (Bretell, 2003; Massey et al., 2005, Schmitter Heisler, 2003).

Миграционные сети — это совокупность агентов-мигрантов, бывших мигрантов и не-мигрантов в отправляющем регионе и принимающем регионе миграции, которые связаны друг с другом отношениями родства, дружбы, общего происхождения и общего или схожего миграционного опыта. Миграционные сети снижают стоимость и риски перемещения и увеличивают ожидаемые от миграции прибыли (Massey et al., 2005).

Для теоретиков сетевой миграции важно, что сети мигрантов, вовлеченных в крупные миграционные потоки, могут стать основой для формирования институтов (как наборов правил и ресурсов), которые будут делать персональные сети прочными, а миграционный поток — устойчивым и упорядоченным. Истории крупных миграционных потоков — это истории упорядочивания (институционализации) социальных сетей мигрантов. Далее в этом тексте будет рассказана одна из таких историй.

В первой части статьи дано краткое описание исторического контекста, в котором развивался миграционный поток. Далее подробно описаны плотные сети студентов-мигрантов из Казахстана в Петербурге и институты, поддерживающие эти персональные сети в принимающем городе. Затем — структурированные элементы сетей, поддерживающие миграцию в Казахстане, регионе-доноре миграции.

Нормативное образование

С 1960-х гг. молодые люди из самых разных городов Казахстана (Алма-Ата, Чимкент, Джамбул, Караганда, Целиноград, Семипалатинск, Кустанай, Актюбинск, Уральск и др.) поступают в вузы крупных российских университетских центров. Они принадлежат к разным этническим группам*, мо-

* С конца XIX в. и по сегодняшний день Россия связана с Казахстаном многочисленными миграционными потоками. Как следствие переселений из европейской части Российской империи на рубеже XIX–XX вв., сталинских депортаций, хрущевского целинного проекта, помимо титульного этноса на территории современной Республики Казахстан —

гут быть этническими казахами, русскими, корейцами, украинцами, немцами, и т.д. или происходить из этнически-смешанных семей. Они едут учиться в крупные российские образовательные центры: Москву, Ленинград, Саратов, Самару, Омск, Новосибирск, Томск. Часть студентов-мигрантов по окончании вузов остаются в российских городах. Часть — возвращается в Казахстан и по возвращении занимает сильные позиции в локальных сообществах. Российское образование, диплом российского вуза связываются с успешностью, а в казахстанских городах формируется слой людей, для которых обучение в российских вузах является частью *нормативно предписанной* жизненной траектории*.

До распада Советского Союза перемещения Казахстан — Россия с целью получения образования происходят в пределах одного государства. В школах этого государства существует стандартный набор предметов, программы по этим предметам по всей территории государства формально должны быть одинаковыми, что, в свою очередь, может уравнивать шансы на поступление в вузы абитуриентов из самых разных точек страны. Граждане этого государства имеют право на бесплатное образование. Железнодорожные билеты на поезда, преодолевающие значительные расстояния, доступны многим. Стипендии могут обеспечивать существенную часть расходов студента на жизнь в период обучения.

После коллапса Советского Союза и появления нового независимого государства Республика Казахстан, в условиях кризиса 1990-х гг. ситуация сильно меняется. Появляются границы, высшее образование для не-граждан страны становится платным, а поступление, переезд, обучение и содержание молодого человека в России в условиях тяжелой экономической ситуации становится крайне дорогим и сложным предприятием. Изменившаяся политическая и сложная экономическая ситуации препятствуют осуществлению *нормативной* в определенных социальных слоях образовательной и миграционной траектории. Миграционный поток начинает стремительно уменьшаться, и к середине 1990-х поток сокращается почти вдвое (Образование в России 2003).

казахов — живут значительные группы русских, корейцев, немцев, чеченцев, ингушей (Алексеев 1998; Зайончковская 1996, Масанов 1998; Садовская 2001). К 1960-м гг., когда устанавливается студенческий поток из Казахстана в российские вузы, территория этой союзной республики представляет собой территорию со сложной этнической структурой. Этническая идентичность информантов важна для данного исследования как одна из характеристик социальной позиции агента в принимающем и отправляющем обществах (наряду с конфигурацией различных капиталов его семьи).

* К моменту распада Советского Союза, в 1991/1992 учебном году в российских вузах уже учились порядка 15 тыс. студентов из Казахстана (Шереги и др. 2002). Существование в отдельных сообществах, ограниченных социально и территориально, определенной нормы, включающей в жизнь каждого члена сообщества заданную траекторию мобильности, связанную с географическим перемещением, антропологи и социологи называют культурой миграции (Massey and Kandell 2002). В данном случае можно описывать нормативность получения российского образования как формирование культуры образовательной миграции.

В 1996 г. между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой подписан договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. На основании этого договора заключено соглашение о предоставлении равных прав гражданам государств — участников Договора на поступление в учебные заведения. Соглашение это было заключено, прежде всего, с целью облегчить доступ в российские вузы школьникам из Белоруссии, Киргизии, Казахстана, чтобы они снова смогли учиться в российских вузах бесплатно. Тем не менее к 1997/1998 учебному году поток достигает самой низкой своей точки в 1990-х — 8 тыс. человек. С 1998/1999 поток студенческой миграции Казахстан-Россия снова начинает расти, и к 2001/2002 достигает почти 14 тыс. человек (Шереги и др., 2002), и далее, вплоть до 2008 г., колеблется в пределах 12–13 тыс.* Поток Казахстан-Россия — единственный поток образовательной миграции на постсоветской территории, который оказывается устойчивым и достигает к началу 2000-х объема, который сравним с объемом позднесоветского потока.

Единственной гипотезой, которая на данный момент объясняет рост потока студенческой миграции из Казахстана, является гипотеза о работе сил «выталкивания» русскоязычного населения, возникших после коллапса Советского Союза и под воздействием процессов нацистроительства в Казахстане (Шереги и др. 2002). Такая гипотеза предполагает, что если в студенческом потоке окажутся этнические казахи (а данные свидетельствуют, что они в этом потоке оказываются), то они будут детьми из семей с низкой социальной позицией в Казахстане. Поступление в этом случае будет стратегией, позволяющей покинуть пространство, стратификация которого препятствует восходящей мобильности молодых этнических казахов. С помощью данной гипотезы образовательная миграция в целом описывается как поток, состоящий из агентов, которые покидают социальное пространство, где их позиции являются слишком невыгодными для успешных траекторий и мобильности. Гипотеза может быть полезна в описании определенной части этого потока, но насколько она верна в целом по отношению к потоку, читатель сможет судить после знакомства с основной частью текста, где будет сказано о позициях тех, кто вовлечен в этот поток и его организацию, а также о природе тех «сил», которые «притягивают» казахстанских школьников в российские города.

Сети мигрируют

Для того чтобы показать, каким образом устроен процесс перемещения из казахстанских городов в Санкт-Петербург и как происходит реконфигурация социальных сетей мигрантов в ходе этого процесса, автор просит читателя представить, что он, читатель, стал полевым наблюдателем, оказался

* Данные Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/08-12.htm). Небольшое падение численности казахстанских студентов к середине 2000-х объясняется общим сокращением численности этой возрастной когорты (когорты тех, кто был рожден в 1989–1991 гг.).

в поезде, идущем из казахстанского города N в российский город Санкт-Петербург в конце августа (перед началом любого из учебных годов в промежутке с 1999 по 2008 год). Поскольку наблюдатель ищет студентов-мигрантов, то он скоро может обнаружить, что в поезде рядом с ним едет студент 1-го курса одного из государственных университетов города. До этого в Петербурге он, скорее всего, никогда не был.

Каким образом могло получиться так, что молодой человек оказался студентом университета, находящегося в городе, где он ни разу не был? Наблюдатель будет рассуждать: город российский, и система поступления/зачисления в этом государстве все еще зачастую требует, чтобы в процессе поступления абитуриент оказывался в вузе, а значит, и в городе, где располагается тот вуз, куда абитуриент поступает. Если наблюдатель задаст самому студенту вопрос о поступлении, то он ответит, что поступал *Дома*.

Наблюдатель узнает, что существуют приемные комиссии некоторых вузов города, которые разъезжают по казахстанским городам и принимают у школьников вступительные экзамены. Перед тем, как начать сдавать экзамены, школьник мог ходить на подготовительные курсы. На эти курсы (или сразу на экзамены) он мог попасть потому, что его туда позвал сосед, или одноклассник, или друг, или его классная руководительница, или родители/друзья родителей посоветовали ему туда пойти. Но как бы он ни объяснял пути, которые привели его на курсы или к экзаменам, он может завершить высказывание о поступлении фразой (если он только не начал с нее свой рассказ): *«В Питер я вообще чисто случайно попал...»*; *«Значит так: особо никто ничего не решал...»*; *«Потом я случайно поступила...»*.

О природе этой случайности будет рассказано в заключительном разделе данного текста. А пока пусть наблюдатель повернется к соседнему сиденью автобуса или соседней полке вагона. Если там не окажется мамы, папы или старшей сестры студента, с которым наблюдатель только что разговаривал, то окажется такой же студент 1-го курса одного из государственных университетов города или же студент-старшекурсник. Эти два студента могли только что познакомиться, но, скорее всего, они знали друг друга до встречи в поезде, они могут быть одноклассниками, соседями по дому, двору или друзьями. О них важно знать, что — они *земляки*, так как едут из одного города Казахстана, хотя, возможно, сами они о том, что это важно, еще не знают и узнают чуть позже. Кроме того, они могут оказаться будущими однокурсниками и соседями.

Досужий или профессиональный наблюдатель должен задаться вопросом: как получилось, что все эти студенты разных вузов российского города оказались в одном вагоне (автобусе)? Почему все тот же случай не разместил их по разным вагонам и автобусам? Можно спросить у студента. И получить ответ: *«... мы просто скинулись, поехала моя мама, и еще чья-то мама, купили целый вагон. Это были те люди, которые ехали в Питер учиться. Мы просто когда сдавали экзамены..., город относительно маленький, провинциальный городишко, все друг друга знают, все друг у друга телефоны просто поузнали, скинулись деньгами. Подумали, зачем ехать каждому по одному, если можно всем вместе приехать, всем вместе в общагу собраться, так легче будет»*.

В вагоне/автобусе перемещаются несколько плотных сегментов отдельных сетей. Несколько агентов, связанных в один относительно герметичный сегмент мигрирующей сети прочными связями дружбы, соседства, совместной учебы, соединены менее жесткими нитями нового знакомства с агентами из другого такого же плотного и насыщенного сегмента. Для соединения нескольких плотных сегментов прежде разных сетей важен транспорт, его скорость, вернее — его медлительность. Она помогает наращивать социальные сети (одним из самых важных ресурсов для приобретения отношений является время) в процессе перемещения. Бывшие казахстанские школьники едут в новый город, новый город — место для новых знакомств, но часть этих новых знакомств ими приобретается уже в пути. У перемещающихся в этих «связывающих» поездах агентов есть не очень прочная, но основа, для формирования отношений: во-первых, это общая география происхождения и взросления, во-вторых — будущее студенчество в России. Если двое (трое, четверо и т.д.) персонажей, которые когда-то повстречались в дороге, встретятся однажды вновь в городе Петербурге, у них уже будет материал, из которого можно будет конструировать связи.

Один из самых сложных моментов перемещения — это возможное разделение перемещавшихся вместе агентов, т.е. пространственное разделение «друзей», которые *вместе* учились в одном классе, *вместе* жили в одном доме, *вместе* поступали и поступили, *вместе* переезжали, то есть являлись частями одного плотного сегмента. Теперь эти агенты могут быть разделены (окажутся в разных *местах*, так как они поступили в разные вузы города или на разные факультеты) и будут вынуждены действовать автономно. Одно из основных мест, где агенты должны будут действовать — общежития*, куда, собственно, сегмент (или агент) сети и перемещается.

Однако перемещенные сегменты (агенты) сетей не попадают в социальный вакуум. Новое пространство заселено и уже освоено «земляками», людьми «с моего города». Земляки являются частью принимающей сети, а принимающая сеть, в свою очередь, является механизмом, снижающим затраты и издержки, с которыми связано усвоение новых практик. Как раз те старшекурсники, которых наблюдатель не встретил в поезде, но которые оказываются к этому моменту в городе, могут встретить вновь прибывших земляков (если не на вокзале — то в общежитии).

Когда наблюдатель обнаружит студентов-мигрантов из Казахстана в Петербурге, то обнаружит не одиночек и чужаков, но людей, довольно прочно встроенных в определенную сетевую конфигурацию, даже если эти студенты прожили в городе чуть больше месяца. Миграция в данном случае не есть выкорчевывание**, но трансплантация, и операция оказывается не слишком болезненной. Тело сетевого сообщества, в которое сегмент вжив-

* Определенная часть студентов имеет возможность (или вынуждена) снимать квартиру. Живущие в общежитиях дружескими, соседскими, земляческими связями соединены с этими «квартирными» жителями.

** «Uprooting» — термин, который в англоязычной литературе часто употреблялся при описании процесса перемещения на длительное время и далекие расстояния; после

ляется, родилось давно, существует успешно и выработало механизмы по скорейшему и относительно безболезненному поглощению нового куска ткани.

Общежитие как часть миграционного потока

Общежитие оказывается тем местом, где основной герой данной статьи — студент-мигрант из Казахстана — к моменту попадания в это общежитие опутанный социальными сетями, *учится* с их помощью получать разного рода ресурсы. В общежитии, как и в поезде, который только что перенес сегменты сетей в город, происходит интеграция агентов в земляческие студенческие сети. Если даже у студента из Казахстана нет старших знакомых, даже если в общежитии не живут люди, приехавшие именно из его города, и его не встретили на вокзале или на пороге, земляки-казахстанцы в стенах общежития его найдут, настолько велика плотность сообщества. Общежитие, в конечном итоге, оказывается частью всего миграционного механизма, так как оно поддерживает и может сделать более прочными мигрировавшие сети.

При «заселении» в общежитие мигрант задействует все наличные связи, как слабые, так и сильные, для того, чтобы заполнить новое жизненное пространство агентами, включенными в вывезенные им социальные сети. Идеальным вариантом будет тот, который позволит заполнить всю комнату мигрировавшим сегментом (персонажами, с которыми агент учился в школе, ходил на курсы, поступал, перемещался). Общежитие дает возможность не разрывать сильные связи, которые удалось сохранить при перемещении, и локализовывать сети в непосредственной близости.

Если «поселить» свои социальные отношения в выделенную администрацией комнату не удастся, то ищутся пути максимально их приблизить, облегчить к ним доступ, или их доступ к себе. Если в одной комнате общежития все же оказалась часть такой мигрировавшей сети, то приближение, пусть на время, удается:

Р — ...Ну, мы вместе вообще... готовились к экзаменам, поддерживали друг друга. Хотели даже вместе жить... но она на РТФ поступила, у нее баллов не хватило... Она к нам сюда хочет...

И — Она в соседней общаге живет?

Р — Да. Она часто к нам приходит. Мы ей сделали поддельный пропуск. Она ходит к нам. Даже ночует иногда у нас».

Если локализация сильных связей в непосредственной близости удалась и земляки живут вместе достаточно долго, то комната именуется как «чимкентская», или «джамбульская», или «алма-атинская», а в общежитие рождается транслируемый нарратив об этом отдельном плотном сегменте, нар-

того, как были описаны «цепные эффекты миграции», стало ясно, что метафора «uprooting» применима к ограниченному числу потоков, и те потоки, в которых активно задействованы сети, лучше описываются с помощью метафоры «трансплантация», так как сетевая миграция скорее есть пересадка «ткани» с последующим приживлением органов (Tilly 2006).

ратив общезнания о земляках и силе земляческих связей. Он может строиться, например, о тихой борьбе с администрацией, и о победе земляческих связей в этой борьбе. История легко расходится по общезнанию и способствует усилению и увеличению этих земляческих связей. Так, новичок (пусть он будет из Джамбула), попадая в общезнание, в скором времени узнает, что «на шестом этаже есть комната», где живут «джамбульские», и знает о местных подвигах джамбульских.

Созданная в процессе перемещения сеть в новых условиях может трансформироваться из разряженной сети слабых связей в плотную сеть из агентов, соединенных сильными (дружескими) связями. Это происходит, когда несколько молодых людей, мигрантов, бывших просто знакомыми или не знакомые до того самого вагона поезда или даже до общезнания, оказываются вместе в одном общезнании, а другие части того плотного сегмента сети, куда новоявленные мигранты раньше были включены, оказываются в других местах. Теперь «ближайшими» людьми могут стать эти старые и/или новые знакомые.

Первое время отношения между новыми знакомыми инструментальны: студенты-мигранты, сокращая издержки, вместе осваивают новые практики и новое физическое пространство. Они обмениваются материальными ресурсами и практическим знанием: солью, сахаром, тазиками, кастрюлями, сковородками, характеристиками на преподавателей и работников общезнаний, информацией о правильных магазинах, данными о важных городских маршрутах и т.д. Инструментальность эта проговаривается в интервью: «...подходит ко мне человек, чего-то просит. Я не воспринимаю в штыки, как будто я тебе не должен ничего, я понимаю, что если помогу — завтра я смогу обратиться».

Социолог-наблюдатель, который попадет в общезнание, обнаруживает, что и в этом «домашнем» мире обмен оказывается центральным принципом и содержанием социальной жизни. Объекты и услуги («помощь»), которыми обмениваются в сетях, могут не иметь большой рыночной стоимости за пределами общезнания, но внутри его сам факт регулярного участия в обмене позволяет агенту приумножать объем имеющегося в общезнании доверия к нему как участнику взаимодействия и позволяет рассчитывать на возвращение предоставляемых ссуд. В процессе обменов жители общезнания накапливают множество облигаций. Обязательства, которые собираются в ходе накопления облигаций, не имеют определенного, заранее установленного процента к нарицательной стоимости оказанной услуги, что делает невозможным подсчет дохода, который такая «социальная» облигация принесет ее владельцу. Такого рода облигации традиционно называют социальным капиталом*.

* Описание отношений в общезнании построено на трех определениях, которые даны социальному капиталу в социологической литературе. Джеймс Коулмен описывает накопление социального капитала как процесс одалживания. Помогая другим, агент накапливает негласные обязательства оказать ответную помощь, данные этими другими.

Общежитие позволяет осуществлять в ходе повседневных обменов тонкую и кропотливую работу по поддержанию новых сетей и делать слабые связи, приобретенные в ходе перемещения, сильными. Эта работа не подразумевает наличия каких-либо издержек на перемещение по городу, телефонную связь, она часть жизни-в-месте. Эта работа по поддержанию сетей трансформирует слабые и инструментальные связи в дружеские и не-инструментальные отношения. Их изначальная и длящаяся на протяжении всех лет жизни в общежитии инструментальность с развитием отношений перестает замечаться, сами отношения описываются как бескорыстные и надеются эмоциональным содержанием.

Студент-мигрант встраивается в ограниченное сообщество, структурированное системой коллективных ожиданий, наличие которых помогает приобретать социальный капитал в этом сообществе и этому сообществу. Поскольку сообщество оказывается в определенной мере замкнутым, то накопленные его участниками связи дают доступ к ограниченному числу однотипных ресурсных сетей. Это сети мигрантские, и это сети мигрантов из Казахстана. Поскольку агент вовлечен в поддержание отношений *внутри* общежития (даже когда соседи выбираются за его пределы), то ему не хватает ресурсов на поддержание отношений *снаружи* (так как объем социального капитала агента ограничивается ресурсами времени, денег, компетенций и т.д.). Доступа в удаленные точки социального пространства города мигрант не получает: «... мы или бытовыми делами занимаемся, или уроки делаем, или за компом сидим, или общаемся просто. У нас не комната, у нас проходной двор. У нас каждые пять минут кто-то стучится и заходит. Вообще редко бывает, что зайдешь, и у нас никто не сидит. В основном все пацаны. Они приходят, общаемся где-то до 12 — до часу. А после часа начинаем делать

Эти обязательства однажды, в момент острой необходимости, могут быть погашены. Коулмен фокусируется на тех выгодах, которые могут получить агент или группа агентов от участия в процессе социального одалживания, и вообще на всех «прибыльных» свойствах социальности (Coleman 1988).

Определение, данное Пьером Бурдьё, выглядит следующим образом: социальный капитал — устойчивая сеть более или менее институализированных отношений взаимного знакомства и признания, которые предоставляют доступ к каким-либо реальным или потенциальным ресурсам (Бурдьё 2004).

Александро Портес переопределяет социальный капитал как *коллективные ожидания*, влияющие на индивидуальное (экономическое) поведение. В определенных обстоятельствах эти ожидания могут быть использованы как ресурс. Возврат долговых обязательств обеспечен способностью сообщества к санкционированию; одна из основных санкций — лишение доступа к ресурсам сообщества (Portes, Sensenbrenner 1993: 1326). Определение Портеса важно, потому что оно позволяет понять, какие механизмы обеспечивают сохранение социального капитала или необычайное его увеличение.

Таким образом, Коулмен дает описание процесса формирования социального капитала, у Бурдьё можно позаимствовать довольно четкое определение одного из видов элементов социальной структуры, в которых возможна его циркуляция, а Портес наиболее подробно объясняет, почему такая и именно такая циркуляция социального капитала возможна в относительно ограниченных социальных общностях.

уроки... университет, с университета домой, убрал, помыл все, покушал, убрал за собой, в душ сходил, уроки сделал, пообщался, и спать лег. Каждый день так».

Из инструментальных отношений образуется одна общая земляческая (казахстанская) сеть общежития, в которую связываются люди-из-Казахстана-общежития, не зависимо от того, из какого города приехал житель. В другом общежитии есть такая же земляческая (казахстанская) сеть всего общежития. Эти две сети могут быть связаны по линиям землячества (городского землячества), и таких линий будет не одна, а несколько, и эти связи будут тянуться в другие общежития. Во внутренние «казахстанские» сети общежитий будут включены жители-не-из-Казахстана, и инструментальные отношения с ними («можно у вас соли, можно у вас хлеба») также могут со временем трансформироваться в не-инструментальные и дружеские. Но даже с приращением этих связей агент, которого наблюдает социолог, оказывается запертым в своеобразном «внутреннем» городе общежитий.

Общежитие формирует общность, которая характеризуется частотой и близостью контактов, плотностью и силой связей, эмоциональностью отношений. То есть всеми теми качествами, которыми Луис Вирт в 1920-х гг. наделял мигрантское гетто, где инструментальные внутренние связи наделяются эмоциональным содержанием, а эмоциональные отношения *внутри* сообщества противопоставляются инструментальному характеру отношений *снаружи**. Характер общности, куда включен мигрант (в нашем случае студент), ограничивает его возможности за ее пределами.

Социальный капитал сообщества наследуется вместе с местом, он же — привязывает к месту. Казахстанский студент ехал в Город, а приехал в общежитие. Тот тип сетей, которые рождаются в ограниченном сообществе (общежития), можно назвать скрепляющими сетями (bonding networks). Это те сети, которые соединяют, но при этом прикрепляют и ограничивают. Это сети, которые позволяют получать бонусы (bond) — оборотные, но долговые обязательства. С *накоплением* социальных отношений идет накопление *моральных* облигаций, привязывающих агента к определенному социальному месту.

Агенту (все тому же студенту) нужно другое место, место, где он сможет найти другого рода сети. Всему сообществу, чтобы быть успешным и не оказаться изолированным в собственном внутреннем городе, нужно место, где будет возможно качественное приращение социального капитала. И сообщество было организовано таким образом, что был создан механизм, который позволял перемешивать разные сети и поддерживать эти сети на регулярной основе. Следующий раздел — об организаторах и организации.

* Квартирные, которые снимают компании студентов из Казахстана, могут стать продолжением общежития. И отношения, и рационализации, которые даются при описании этих отношений, строятся по описанному выше же принципу: студенты из общежития ездили в гости мыться, «готовить на нормальной кухне», а студенты из квартир по поддельным пропускам попадали в общежития, чтобы приобщиться общительности. Отношения, связывавшие общежития и съемные квартиры, были инструментальные, но описывались как эмоциональные.

Организация принимающего сообщества

Социолог-наблюдатель может узнать о том, что сообщество организовано, от информантов. Расспросив их о жизни за пределами общегития, он узнает, что информанты относительно регулярно посещают вечеринки, которые казахстанские *«ребята организуют»*. Вечеринки обычно приурочены к какому-либо празднику (восточный Новый Год, обычный Новый Год, День влюбленных и т.д.) и бывают в среднем раз в два месяца, вход на вечеринки платный, вечеринки имеют лейбл «закрытые».

Тех, кто организовал вечеринки (и, тем самым, сообщество), было трое. Назовем их Рамиль, Дамир и Баха. Все трое были из Чимкента. Опытный наблюдатель не стал бы приходить к ним «с улицы», хотя к определенному моменту работы в поле он мог знать о существовании «форума питерских казахстанцев» в Интернете, где они зачастую появлялись, а также знать, под какими именами их можно найти, чтобы попросить об интервью. Опытный наблюдатель позвонил бы другу своего друга (друг был из Чимкента, кличка его была «Кореец»), тот позвонил своему другу (друг и одноклассник был из Чимкента) и т.д., и через некоторое время получил бы необходимый номер телефона. В нашем случае телефонный номер принадлежал некому Рамилю.

Когда автор первый раз звонил Рамилю, тот начал разговор словами: *«ААА! Да-да-да! Мне Паша говорил, да. Ну давай на «ты», мы же ровесники...»*. Таким образом, действующие лица были расставлены на определенные позиции, что было необходимо для дальнейшей коммуникации. Исследователь быть помещен в социальное пространство наблюдаемых. Наблюдаемые посчитали и взвесили звенья цепи, которая привела исследователя к одному из них, а также оценили степень полезности того персонажа, который направил исследователя.

Итак, наблюдатель познакомился с Рамилем. Рамиль познакомил с Дамиром и рассказал о Бахе. Все трое были этническими казахами. Дамир, как и Рамиль, учился на 5-м курсе в одном из университетов в Петербурге, а Баха к началу наблюдения уже уехал учиться в Америку.

Идея организации сообщества, которая приобрела форму регулярных вечеринок, была позаимствована Рамилем, Дамиром и Бахой из двух источников. Источник первый: с 1960-х гг. в Петербурге существовало казахское национально-культурное общество (ныне называвшееся «Атамекен»), объединявшее *«взрослых казахов»*, которое пыталось организовывать и *«казахскую молодежь»* (как второе поколение мигрантов, так и современных студентов). Например, «Атамекен» устраивало «вчера встреч» в городском Доме офицеров, которые заканчивались «дискотекой» и чаще всего были приурочены к национальным праздникам Республики Казахстан. К сожалению «взрослых», вечера встреч не являлись продуктом интенсивного потребления казахской «молодежи». Источник второй: у Рамиля, Дамира и Бахи в Москве была знакомая компания земляков, студентов-казахстанцев, которая регулярно устраивала вечеринки «для своих» в разных клубах столицы. Вечеринки были способом хорошего заработка; московские студенты-казахи поделились успешным опытом.

Для организации Рамилю, Дамиру и Бахе нужны были средства, как-то: сильные поручители для того, чтобы директора клубов захотели разговаривать со студентами 3-го курса, этническими казахами, об аренде целого клуба на ночь для организации «закрытой вечеринки» под лейблом «казахстанская»; деньги для предоплаты аренды клуба; инструменты для распространения информации о вечеринке, так как для того чтобы мероприятиекупилось, на нем должно было оказаться (т.е. заплатить за вход) достаточное количество казахстанцев; культурные компетенции, чтобы привлечь многих (и разных).

Как сказал один из информантов автора, организаторы были из «*состоятельных семей*» («Здесь свои вот ребята у меня, казахи, у них такие очень богатые, состоятельные родители, они здесь организуют вечеринки, еще и консультирование подрывают на финансирование»). Состоятельность, о которой говорит информант, была в случае каждого персонажа разной. Поскольку автор больше наблюдал Рамиля, то знал от него, что его семья в «своем кругу» не считается слишком состоятельной («не так чтобы сильно много денег»), но: «у нас очень хорошие связи в Астане. В министерствах». Семья Дамира считалась в компании богатой. Баха «сам уехал в Америку. Учиться», а его семью характеризовали как образованных людей. Все три типа ресурсов были необходимы агентам для того, чтобы организовать мигрантское студенческое сообщество.

Все трое, занимаясь организацией, не были альтруистичны. Они зарабатывали экономический, социальный и символический капитал (капитал признания; репутация, заработанная в Петербурге, была вкладом в будущую репутацию в Астане), а также специфические компетенции. За время организации они осуществили значительный вклад в свою будущую мобильность.

Образовательная миграция из Казахстана в Петербург была селективна — в силу того, что обучение в Петербурге было для казахстанского студента достаточно капиталоемким предприятием, даже несмотря на существующие механизмы снижения издержек. В Петербург приезжали агенты, обладающие определенной совокупностью стартовых капиталов. Их семьи могли обладать либо: (1) достаточно большим экономическим капиталом и разной конфигурацией капитала культурного и социального (сетевое), либо (2) значительным культурным, средним экономическим и специфическим социальным (сетевым) капиталом. Компетенции, которыми обладали родители из второго типа семей, помогали им преодолеть страхи больших расстояний и больших капиталовложений (в ситуации ограниченных денежных ресурсов семьи) и скалькулировать дальнейшую успешность ребенка. Селективность миграции повлекла за собой концентрацию в Петербурге студентов-мигрантов со значительными объемами культурного и/или экономического капиталов и способствовала тому, что персональные сети студентов-мигрантов были институционализированы в форме студенческих вечеринок, или «Землячеств». Институционализация сетей, в свою очередь, способствовала сокращению издержек и тому, что миграция становилась менее затратной для последующих поколений студентов-мигрантов.

Культурные компетенции позволили организаторам правильно рассчитать соответствие формы, аудитории и названия вечеринки. Они посчитали, что

казахстанцев в Петербурге наберется больше, чем *казахов*, и назвали вечеринки вечеринками для *казахстанцев*. Они маркировали их модным лейблом «закрытые», но при этом объявили, что российские и прочие друзья казахстанцев с постсоветского пространства приветствуются. Клубы для проведения *Землячества* всегда тщательно выбирались и обсуждались: они репрезентировали сообщество, стиль жизни, и, как всякое потребление, маркировали статус сообщества в городском обществе. Название — «*Землячество*» — было «народным», присвоено вечеринкам скорее вразрез с замыслами организаторов (которые всегда старались быть стилистически выдержанными) и наследовалось от прежних «вечеров встреч» в городском Доме офицеров.

Сети позволили им привлечь не только студентов-мигрантов из Казахстана, но и студентов-казахов из Петербурга, что дало возможность «разомкнуть» границы общежитий и мигрантских сетей. Сработал эффект, названный Раймоном Бретоном «институциональной завершенностью мигрантского сообщества»: привлекательными становятся те сообщества, которые с помощью институтов предоставляют доступ к каким-либо ресурсам (Breton 1964). *Землячество* стало местом (и институтом), где перемешиваются сети, наращивается объем и качество социального (сетевое) капитала. *Землячество* позволило сетям стать видимыми и организованными в Петербурге, и оно же позволило включить в персональный социальный капитал каждого агента и коллективный социальный капитал те сети, которые служили наведению мостов (bridging network) в более удаленные уголки социального пространства города. Студенческое сообщество связалось с «взрослой» казахской диаспорой города, но уже другого типа связями, которые обеспечивали принципиально иной поток ресурсов.

Хорошо сработанные мосты, ведущие в важном направлении и требующие затрат на амортизацию, бывают платными; вход на *Землячество*, которое давало возможность найти доступ к отдаленным уголкам социального пространства городского общества, был платным. Взималась денежная плата (стоимость входного билета) и социальная плата: посещение клуба означало демонстрацию лояльности сообществу, а соблюдение норм реципрокности включало новых людей (петербуржцев), которые заслуживали доверия и могли одалживать помощь в счет будущих выплат.

Для организации людей, репрезентации, обсуждения, возможности обмена информацией о предстоящем мероприятии был создан «Форум питерских казахстанцев»; потом его функции расширились до еще одного места коммуникации. В каждом общежитии или студенческом городке существовала своя локальная компьютерная сеть, и информация о новом *Землячестве* вывешивалась по просьбе организаторов на локальных форумах общежитий.

Необходимо было регулярно поддерживать идентичность* мигрантов, как на самих вечеринках, так и за пределами клубов (в том числе, чтобы

* Автор понимает *идентичность* как конструируемое через соотнесение с некоторыми другими представление о своем Я. Идентичность производится и воспроизводится в результате взаимодействия с социальным окружением и в процессе репрезентации. Идентичность множественна и подвижна, инструментальна, важна для актора и выбирается им (в зависимости от контекста), хотя этот выбор не вполне свободен (спектр альтернатив задан социальным окружением) и относительно стабилен.

поддерживать самоокупаемость предприятия). Принимающее структурированное сообщество (представители которого в нашем случае с определенной периодичностью собираются в клубах) трансформировало специфические и локальные идентичности в более инклюзивные, имевшие большую экономическую и политическую полезность в новом контексте. «Джамбульские», «астанинские», «казахи», «корейцы», «русские» идентичности дотраивались до «казахстанцев». Или даже до «советских детей» или «советских людей», так как «советская» идентичность оказывалась самой широкой и давала большие возможности для конструирования и надления ее совокупностью актуальных для сегодняшнего дня смыслов. Землячество было широким и должно было производить такой нарратив о себе, который мог бы способствовать этой широте: *«У меня паспорт, конечно, казахстанский, синий, я тебе его могу показать, ты на него полюбуешься, но смысл в том, что я когда приехал, я не чувствовал себя кем-то другим. Ну, по-своему в чем-то и чувствовал, но не потому, что я иностранец, здесь люди по-другому воспитаны, но я знал, что вот, грубо говоря, меня можно назвать советским, тебя можно назвать советским, вот Леха советский. Сейчас, может, я не знаю, может, люди, дети маленькие воспитываются и по-другому, а вот я реально вырос в Советском Союзе, еще помню копейки и рубли ...»*

Сформировались структуры, дающие доступ к ресурсам всей сети. Обладавшие большим культурным капиталом продолжали наращивать его и учились конвертировать в капитал экономический. Обладавшие экономическим капиталом учились наращивать его и конвертировать в культурный. И те, и другие развивали сетевой капитал. Общая сеть казахстанцев разрасталась, становилась все более плотной, прочной и привлекательной для каждого вновь прибывающего студента.

Мероприятия по структурированию сообщества охватывают не только Петербург, но все единое пространство студенческой миграции. Еще одной группой казахстанских студентов (с участием тех троих «организаторов», о которых было рассказано выше) создается отлаженный механизм передачи посылок из городов Казахстана (от родителей). В посылках отправляют фрукты и сухофрукты, овощи, банки с вареньем, мед, сыр, колбасу, одежду и т.д. Посылки должны компенсировать нехватку монетарных ресурсов (стоимость продуктов питания в Казахстане ниже, чем в России) и сократить часть семейных издержек на содержание студента. Посылки перевозятся на грузовиках, которые начинают свой путь в самых южных точках Казахстана и заканчивают в Петербурге, где организована доставка посылок по общежитиям на микроавтобусах. Наличие посылок и доставки лишний раз репрезентирует наличие «Землячества» как сообщества, причем репрезентирует уже в вещественной форме.

Каждый современный и каждый потенциальный студент-мигрант знает об этой плотности сетевого сообщества принимающего города: знание о том, как «нас много», обсуждается и транслируется в отправляющие города. Есть общий, разделяемый и транслируемый нарратив о «людях из Казахстана», и он артикулируется информантами в интервью.

Сообщество является настолько плотным, а его организация так способствует перемешиванию, что позволяет обмениваться образцами траекторий и карьерных стратегий, и даже те студенты, которые не обладали достаточной компетенцией для выстраивания успешных стратегий будущей мобильности, за пять лет дружбы, соседства, совместных походов на вечеринки эти стратегии выучивали.

Селективность миграции и концентрация разного рода капиталов позволила создаться условиям, при которых сообщество было структурировано, был создан институт по его организации и поддержанию в Петербурге. Плотное сетевое сообщество включает в себя каждого нового прибывающего, способствует его быстрой инкорпорации в городское общество, что отражается на скорости поиска и стоимости жилья, поиске работы, досуга и т.д. Зона влияния петербургских вузов распространяется на весь Казахстан, и в Петербург едут учиться студенты как из Западного Казахстана, так и из Северного и Южного, хотя город является самой дальней точкой миграции по отношению ко всем остальным принимающим городам.

Организация отправляющего сообщества

Теперь автор предлагает читателю вернуться обратно — в Казахстан, в начало-середину 1990-х гг., и посмотреть, какие социальные механизмы способствовали закреплению и поддержанию потока в регионе — доноре миграции. Экономический кризис и политические реформы на территории новых независимых государств создали ситуацию, в которой семьи образованных профессионалов (этнических казахов, русских, корейцев, немцев, татар и др.) из Казахстана не могли отправить детей учиться в российские вузы, тогда как учеба ребенка в российском вузе была нормативной составляющей образовательной траектории. Основным препятствием в получении российского образования стала «совокупная» стоимость этого образования, которое в очень короткий промежуток времени преобразовалось в образование дорогое (в его совокупную стоимость помимо возросшей стоимости поступления, перемещения и содержания студента стала входить стоимость собственно обучения).

Как уже было сказано выше, в силу экономических и политических интересов Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России в 1995 г. идет активная подготовка, в 1996 г. происходит заключение договора о формировании единого образовательного пространства между перечисленными странами. Молодые люди из этих стран могут поступать в вузы любой из стран-участниц договора наравне с гражданами страны, претендуя на бесплатные места.

Общая стоимость российского образования для казахстанских школьников резко понижается, но издержки, связанные с процессом поступления (т.е. поездка в далекий город, где может учиться потенциальный студент, чтобы сдать вступительные экзамены) все еще велики. Так как поступление не гарантировано, то попытка поступить является рискованным предприятием, без какой-либо гарантии на возвращение вложенных средств (т.е. гарантии поступления и обучения). Необходим механизм, который помог бы снизить эти издержки.

Такой механизм появляется в результате деятельности определенной части казахстанского слоя образованных профессионалов: почти в каждом крупном городе оказывается определенное количество успешных, активных деятелей местных городских сообществ, которые связаны, во-первых, с местной школьной средой, а, во-вторых, с российскими вузами (часто являются их выпускниками). Это учителя, завучи и директора школ, которые учились в университетах и институтах РСФСР. Активными деятелями также оказываются родители абитуриентов или потенциальных абитуриентов, которые также учились в этих вузах, смогли адаптироваться к экономическим и политическим переменам, успешны и являются теми, кого называют теперь предпринимателями.

Городские образованные активисты рассуждают следующим образом: если для семьи каждого отдельного школьника поездка в российский город (Петербург или Томск) для того, чтобы сдавать вступительные экзамены, стала слишком затратной, то нужно сделать так, чтобы российские экзаменаторы оказались в казахстанских городах. Вывоз нескольких экзаменаторов в Казахстан означал значительное сокращение издержек на поступление для каждой отдельной семьи. Для создания такого механизма у активистов в казахстанских городах были разного рода ресурсы.

Во-первых, они обладали регулярным доступом к аудитории школьников и родителей (могли заблаговременно оповестить об экзаменах заинтересованных и расширить аудиторию потенциальных абитуриентов); поскольку информация об экзаменах и приезде экзаменаторов шла от учителей или через учителей, то существовал значительный запас доверия.

Во-вторых, они имели регулярный и систематический доступ к школьным аудиториям, где могли проводиться консультации и экзамены (место, опять же, увеличивало доверие к незнакомой форме поступления).

В-третьих, у них были «спонсоры» среди успешных родителей, которые могли оплатить часть издержек на первые выезды в данный конкретный город и преодолеть естественную первоначальную долю недоверия. А недоверие существовало, так как форма «выездных экзаменов» была незнакомой, эффективность ее не была доказана, и, несмотря на величину потенциальной аудитории абитуриентов, актуальная аудитория была первоначально гораздо меньшей; сеть знакомства и доверия не распространялась настолько широко; плата за экзамен, пусть даже небольшая, могла обернуться потерей денег.

В-четвертых, и у тех, и у других были друзья в российских вузах: бывшие однокурсники, соседи по общежитию или просто друзья студенческих времен. Кто-то из этих друзей занимал хорошие посты в вузах; иногда друзья являлись не только преподавателями, но администраторами, членами приемных комиссий, деканами, заведующими кафедрами; даже если они были только преподаватели, у них были друзья — вузовские администраторы. Наличие друзей или друзей друзей в российских вузах позволяло провести переговоры достаточно быстро и без значительных издержек на транзакции: информация о необходимости создать выездную комиссию шла напрямую от заказчиков (родителей и учителей) к вузовским администраторам.

Конфигурация персональных сетей казахстанцев — выпускников российских вузов была такова, что в начале 1990-х она позволила легко связать казахстанские школы и российские вузы. Складывавшуюся сетевую конфигурацию оставалось закрепить институционально и закрепить именно в казахстанских городах, так как в российских вузах механизм «выезда» экзаменационных комиссий и «приема» студентов начал работать достаточно отлаженно и легко. Конфигурацию сетей нужно было закрепить для того, чтобы лишить процесс непредсказуемости, зависимости от каждого из активистов-организаторов на местах, нерешительности родителей и т.д. Необходимо было упорядочить персональные сети учителей, директоров школ, родителей, экзаменаторов и других «друзей».

Процесс «поступления» нужно было лишить привязки только к одной временной точке. «Временное» приравнивается к «непостоянному», и факт наличия выездных экзаменов в этом году в марте (или апреле, или мае), не означал, что они будут в следующем году в том же месяце, или что они в принципе состоятся. Нужно было сделать существование механизма постоянным и видимым. Количество экзаменов могло увеличиваться до двух («*в марте у нас были первые, пробные экзамены, а в мае уже настоящие*»). Но и такая форма не была достаточно постоянной. Сделать существование сетевой структуры видимым на протяжении всего календарного года позволила организация курсов подготовки абитуриентов. Курсы стали функционировать следующим образом: в сентябре проводилась ориентация абитуриентов, в октябре начинались подготовительные курсы и длились до весны, весной проводились несколько экзаменов («пробные» и «настоящие», приезжали комиссии из одного, второго, третьего вуза), июль-август отводился на процедуры зачисления. В сентябре цикл запускался заново.

Курсы подготовки могли проводиться в «Центрах подготовки абитуриентов», которые создавались в школах, где был сконцентрирован определенный сегмент российско-казахстанской школьно-вузовской сети. В эти школы, на временной (читать курсы) или постоянной (работать) основе приглашались «лучшие учителя города». «Центр подготовки абитуриентов» — название обобщающее, в случае каждой отдельной институции название, юридическая форма, перечень предоставляемых услуг варьировался, но основное содержание из города в город повторялось. Так, в Таразе эта структура может называться «Русская община», а в Чимкенте — «Славянский центр» (так их называли в интервью студенты); своеобразие названий будет прокомментировано чуть ниже.

Таким образом, происходило упорядочивание того социального образования, которое первоначально было основано на персональных социальных сетях. Вузы этой институционализации всячески способствовали: помимо экзаменаторов, они снабжали центры методической литературой и «выездными» лекторами (преподаватели из самих вузов), которые могли раз в учебном году прочитать недельный курс по математике или физике. Появление вузовских преподавателей придавало весомости и видимости этому сетевому образованию и способствовало его закреплению в жесткую структуру, в институт по поддержанию и созданию сетей.

Была создана разветвленная структура на местах, спрос на услуги «Центров подготовки абитуриентов» рос, и почти одновременно с формированием структуры формировался институт посредничества между местными городскими структурами и вузами. Если раньше «Центры подготовки абитуриентов» в каждом конкретном городе посредством персональных сетей были связаны с одним вузом или определенным городом (где предлагалось поступать в ряд вузов), то теперь организации-посредники связывали некоторые центры подготовки с целым рядом вузов в самых разных городах России. Одна из таких организаций — это Православное благотворительное общество «Светоч», а одна из точных дат в истории формирования потока, которой мы располагаем на данный момент — это 1994 год, год организации «Светоча». На конец 1990-х приходится создание жестких структур и процесс институционализации. Появление менее персонифицированных и более институционализированных форм связывания вузов и школьников не означало, что старые, менее формализованные, сетевые по своей форме образования пропадут. Они существуют по сей день, наряду с более структурированными.

Распространение сетей и расширение их организации

Автор предлагает вернуться к оставленному ранее в стороне вопросу о своеобразных названиях части Центров подготовки абитуриентов (как-то: «Светоч», «Русская община» или «Славянский центр»), а также вспомнить о том потоке, который в 1990-е гг. связывает Казахстан и Россию и который называют «выдавливанием русскоязычного населения»*. В 1990-х усилия представителей образованного слоя по созданию механизмов, упрощающих поступление и сокращающих издержки на перемещение Казахстан-Россия, совпадают со стремлением определенной части русскоязычных семей, которые стремятся перебраться из Казахстана в Россию или хотя бы отправить туда детей.

Наибольшему экономическому давлению подвергались те семьи, которые занимали низкие или слабые позиции в формирующейся социальной структуре, не обладали специфическим и востребованным образованием, не готовы были приобретать новые компетенции. Структура, предлагающая получить высшее российское образование с минимальными на тот момент издержками, оказалась привлекательной для тех семей, которые были захвачены процессами, названными в литературе 1990-х «выдавливанием». Поступление гарантировало ребенку жилье на пять-шесть лет, небольшую стипендию, наличие привлекательного статуса в принимающем обществе и т.д. В последующем рассказе о себе у такого студента из «выдавливаемой» семьи в качестве главного достижения последних нескольких лет будет звучать «переезд в Россию», а не поступление, возможность получить высшее образование или прочие рационализации, связанные с получением образования.

* См., например, работы И. Ерофеевой (Ерофеева 1999; 1998), Н. Масанова (Масанов 1998), Е. Садовской (Садовская 1998) и др.

Возможно, «славянско-русские» названия Центров подготовки абитуриентов или организаций-посредников могли препятствовать вовлечению в миграционный поток значительного числа абитуриентов — этнических казахов, корейцев, уйгуров и т.д. Но казахские, корейские, татарские семьи образованных специалистов часто были связаны дружескими, коллегальными или родственными связями с русскими семьями. Даже если лик архиепископа Астанинского и Алматинского на одной из страниц Интернет-сайта «Светоча» мог отвратить, то персональные сети родителей не-православных, этнических не-русских все равно затягивали детей из таких семей в студенческий миграционный поток*.

Вовлечение в одну из частей этого потока не всегда означало какое-либо объединение молодых людей, родители которых занимали разные позиции в Казахстане. Миграция в Петербург была селективна, и возникший социальный механизм, перемешивающий и соединяющий персональные сети, позволил объединить тех, кто обладал преимущественно экономическим капиталом, и тех, кто обладал преобладающим культурным. При этом та часть студентов, семьи которых не обладают большим экономическим капиталом, оказывается автоматически в общежитии; эти студенты учатся на одних и тех же факультетах. В одной студенческой группе и в одной комнате общежития мы можем встретить людей из семей, социальные позиции которых в отправляющем обществе различны, но различия эти могут быть достаточно тонкими и на первый взгляд незаметными. Мы можем не увидеть эти различия в действиях студентов (выборе города обучения, университета, вуза) или образе жизни (университет и общежитие до определенной степени унифицируют их). Эти разные позиции заметны в различных определениях, которые даются одним и тем же ситуациям; эти позиции задают разные перспективы на цели перемещения в Россию, разные перспективы на межэтнические отношения, разные перспективы на перспективы (после окончания образования, в России и в Казахстане).

Созданный в Казахстане механизм поддержания образовательной мобильности оказался устойчивым и экономически (в разных значениях «экономического») рентабельным. Созданный в Петербурге механизм по поддержанию миграции, т.е. перемешиванию социальных сетей мигрантов и аккумуляции социального капитала, оказался успешным. Усилия агентов по связыванию и упорядочиванию сетей остались в недалеком прошлом, а миграционная структура обладает не только устойчивостью, но свойством транспарентности: за теми конкретными формами, которые эта структура принимает, она становится практически незаметной для мигранта-пользователя.

* Государственной статистики, которая описывала бы этнический состав студентов-мигрантов, на данный момент не существует. Из полученной в вузах Санкт-Петербурга статистики известно, что в 2005/2006 учебном году в университетах города около 30% от общего количества студентов из Казахстана были из казахских семей.

Выбор города, вуза, факультета и специальности конкретным абитуриентом в Казахстане может быть обусловлен сознательной стратегией семьи или молодого человека, следованием норме, поддержанием траектории родителей и т.п., и тогда семья и молодой человек обнаруживают организацию, которая поможет им реализовать этот выбор. Или, напротив, молодой человек и его семья могут не прикладывать собственных целенаправленных усилий и не испытывать сильного давления окружения (не воспринимать то давление, которое есть, как сильное), — он все равно попадет в поток, будучи втянутым туда персональными социальными сетями или вытолкнут в него неудачной позицией семьи. Но во многих историях миграции исследователь будет слышать зачин «я попал в Петербург случайно». Во всей череде «случайностей» поступление может также оказаться очередным случаем, лотереей, результатом удачно или неудачно пройденного теста, наличия свободных мест на интересующую специальность в одном вузе и отсутствия таковых в другом, сложных махинаций приемных комиссий в вузах, экономических и социальных капиталов семьи и т.д. В результате близкие школьные друзья, прежде бывшие частью одного плотного социального сегмента, оказываются в одном городе, но в разных вузах и в разных общежитиях. Чуть позднее временный разрыв прежних сильных связей приведет к наращиванию специфического земляческого социального капитала в точке миграции, скорейшему попаданию в организованную принимающую структуру («Землячество»), и, в итоге, к улучшению работы всего механизма, связывающего казахстанские города и Петербург потоком студенческой миграции.

Литература

- Алексеев А. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современные этнополитические процессы и миграция в Средней Азии. М.: Центр Карнеги, 1998.
- Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
- Ерофеева И. Роль новых учебников и современной системы образования в формировании миграционной ситуации в Казахстане // Современные этнополитические процессы и миграция в Средней Азии. М.: Центр Карнеги, 1998.
- Ерофеева И. Региональный аспект славянской миграции из Казахстана (на примере Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей) // В движении, добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М: Наталис, 1999. 153–179.
- Зайончковская Ж.А Исторические корни миграционной ситуации в средней Азии// Миграция русскоязычного населения из Средней Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996. С. 41–64.
- Масанов Н. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграция в Средней Азии. М.: Центр Карнеги, 1998.
- Масанов Н. Миграционные метаморфозы Казахстана // В движении, добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М: Наталис, 1999. С. 127–153.
- Образование в России. Образование в России 2003: Стат.сб. / М.: Госкомстат России, 2003.

Садовская Е.Ю. (1998) Некоторые политические аспекты эмиграции русскоязычного населения из Казахстана // Современные этнополитические процессы и миграция в Средней Азии, М.: Центр Карнеги, 1998.

Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. Алма-Ата, 2001.

Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М.: Центр социального прогнозирования, 2002.

Boyd M. Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23. No 3. Pp. 638–670.

Bretell C. B. Theorizing Migration in Anthropology: The Social Construction of Networks, Identities, Communities and Global Spaces // *Migration Theory. Talking Across Disciplines*. New York: Routledge, 2003. Pp. 97–136.

Breton R. Institutional Completeness of Ethnic Communities and the Personal Relations of Immigrants // *The American Journal of Sociology*. 1964. Vol. 70. No 2. Pp. 193–205.

Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120.

Faist. T. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford, 2000.

Massey D.S. The Social Organization of Mexican Migration to the United States // *Annals of American Academy of Political and Social Sciences*. 1986. No 487. Pp. 102–112.

Massey D. S., Kandell W. The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis // *Social Forces*. 2002. Vol. 80. No 3. Pp. 981–1004.

Massey D.S., Reichert J. History and Trends in U.S. Bound Migration from a Mexican Town. *International Migration Review*. 1980. Vol. 14. No 4. Pp. 475–491.

Massey D.S. et al. Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks. *The American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. No 5. Pp. 1262–1298.

Massey D.S. et al. *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millenium*. Oxford: University Press, 2005.

Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on Social Determinants of Economic Action // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98. Pp. 1320–1350.

Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31. No 4. Pp. 799–825.

Tilly C. *Migration in Modern European History* // *The migration reader : exploring politics and policies* / Ed. by Anthony M. Messina. Boulder, Colo. (u.a.): Rienner, 2006. Pp. 126–146.